ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

82

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME
INTELLECTUAL HISTORY REVIEW
2023 Issue 82

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
2023 Выпуск 82

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 82

М.: Аквилон, 2023. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 82

Moscow: Aquilo-Press, 2023. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2023
© Институт всеобщей истории, 2023
© Издательство «Аквилон», 2023
© Журнал «Диалог со временем», 2023
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

АКВИЛОН

Б.А. Гаврилин

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЭДМУНДА БЁРКА ПРОТИВ МИРА С ЦАРЕУБИЙЦАМИ (1795)[1]

Статья знакомит читателя с «Письмами на мир с цареубийцами» Эдмунда Бёрка. Письма увидели свет в период с осени 1796 г. по начало 1797 г. и представляют собой послание к парламенту с развернутой аргументацией о пагубности заключения мира с революционной Францией. В литературном наследии «отца политического консерватизма» «Письма» занимают особое место: они стали своеобразной лебединой песней Э. Бёрка, его политическим завещанием. Вместе с тем они несут на себе яркий отпечаток времени революционных войн в Европе, являясь источником для изучения внутриполитической борьбы и полемики в Британии вокруг отношения к революционной Франции 1790-х гг. Вниманию читателя предлагается перевод в извлечениях первого письма, опубликованного 20 октября 1796 г. Текст переведен на русский язык впервые.

***Ключевые слова**: Эдмунд Бёрк, консерватизм; Французская революция; «Письма на мир с цареубийцами»; Термидорианский переворот; политическая философия*

Известного британского публициста Эдмунда Бёрка (1729–1797) принято причислять к протоконсервативному направлению политической мысли. С 1765 по 1794 гг. он являлся членом палаты общин британского Парламента и проявил себя как талантливый оратор и полемист. Однако в конце 1794 г. Берк потерял своё место в парламенте и, надо сказать, в значительной степени из-за непримиримой борьбы с революционной Францией, а также поддержки непопулярного закона об эмансипации католиков. Эта позиция со всей силой его таланта проявилась в самом его знаменитом сочинении «Размышления о революции во Франции» 1790 г. Публицист здесь выступил с осуждением революционных событий, предсказывая грядущие кровь и несчастья, чем вызвал негодование широкой либеральной общественности. С этого момента и до конца своей жизни Бёрк боролся с революцией, как мог, и в первую очередь с помощью публицистики. Одним из ярких примеров этой борьбы и стала одна из последних работ политического мыслителя «Письма на мир с цареубийцами» (далее – Письма). Написание Писем проходило на фоне личной драмы престарелого Бёрка. В 1794 г. бездетным умирает его единственный сын – Ричард. По воспоминаниям современников отец, любивший своего сына и возлагавший на него большие надежды, обезумел от скорби. Сыграли роль и нападки в прессе, которым подвергался Бёрк после публикации «Размышлений». В первой половине 1790-х коммонер буквально стал объектом постоянных насмешек. Его называли параноиком, глупцом и разжигателем войны. Даже смерть его сына стала предметом сатирических инвектив. Его фи-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея «Общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

нансы находились в расстройстве, дом в котором он жил, был не в состоянии оплачивать, а его единственным доходом была небольшая пенсия, назначенная правительством У. Питта-младшего. Вскоре после написания «Писем на мир с цареубийцами» он умрёт в своём, поместье под Лондоном, оставленный всеми. В последний путь его проводит верная жена Джейн. Он будет похоронен рядом с своим сыном[2].

Первое письмо[3] было опубликовано 20 октября 1796 г. в виде брошюры издательством Ривингтонов, которое занималось публикацией большинства крупных работ Бёрка. Первое, как и второе письмо были популярны среди читающей публики. К концу 1796 г. первое Письмо выдержало 11 изданий. Последнее из написанных писем, но третье в серии, было вызвано неспособностью министерства Питта заключить мир с Францией; Третье и четвёртое письма содержали более конкретные практико-направленные указания, меньше подходили для широкой публичной огласки и так и не были опубликованы при жизни публициста. Бёрк даже планировал переписать четвёртое письмо, но не успел. В результате третье и четвёртое письма были опубликованы значительно позже, уже в 1812 г., тем же издательством, при непосредственном участии Джейн Бёрк, которая активно занималась публикацией наследия своего мужа после его смерти. Ни жена, ни издатели, по-видимому, изменений в текст Писем не вносили. Выход статей тогда, в 1812 г., спровоцировал новую волну критики Бёрка в либеральной прессе, однако большого ажиотажа не вызвал[4].

Первые три письма были адресованы не названному члену парламента. Общая интенция Писем уже бывшего коммонера Берка заключалась в стремлении повлиять на ход мирных переговоров с Францией, начавшихся в октябре 1795 г. Четвёртое письмо адресовано товарищу Бёрка по группировке в парламенте и другу – графу Уильяму Фитцвилльяму. Получатель первого письма нам неизвестен, но вполне возможно, что им был кто-то из бывших соратников Бёрка по политической группировке[5]. Адресатом указанных «Писем» в широком смысле являлась политическая элита Великобритании. Очевидно, что публицист стремился своими письмами убедить парламент в пагубности заключения мира с «цареубийцами», или Директорией во Франции.

В историографии «Письма» обычно остаются в тени других работ Эдмунда Бёрка. Несмотря на это в большинстве крупных исследований, ему посвященных, «Письма» так или иначе упоминаются. Например, такие авторитетные исследователи темы как Эндрю Штауфер[6] и Ричард Борк[7] привлекают к ним внимание, однако скорее обращаются к

[2] Лабутина. Ковалёв. 2020: 451.
[3] Burke. 1887: 153 – 231.
[4] Burke. 1887: 384
[5] McDowell. 1991: 44
[6] Stauffer 2005: 215
[7] Bourke 2017: 1113

ним обзорно, как к одной из последних работ в карьере политического деятеля. Крупных работ, посвящённых специально «Письмам» в западной историографии, не существует. В российской историографии ситуация схожая. Письма остаются на периферии внимания исследователей. Упоминает о них в своей работе А.В. Чудинов, рассматривая интеллектуальную борьбу в последние годы жизни Э. Бёрка[8]. Кратко «Письма» затрагиваются в совместной работе Т.Л. Лабутиной и М.А. Ковалёва[9] в контексте жизнеописания английского публициста.

В отличие от известной работы Бёрка «Размышления о революции во Франции», «Письма» написаны более ярким и эмоциональным языком. В духе цицероновских «филиппик», он выступает своеобразным обвинителем на суде против Французской революции, представляя её не просто как политическое событие, а как экзистенциальную угрозу всему миропорядку. Бёрка призывает не просто к войне против Франции, но к своеобразному крестовому походу против абсолютного зла революционных идей. Кроме того, стиль писем традиционно сравнивают с работами римского поэта Ювенала[10], в своих сатирах римский поэт обличал современное ему общество, критикуя пороки людей. Ювенал выступал как моралист и гражданин, критикуя проблемы современной ему римской политической жизни. В этом прочитывается параллель между римским классиком и британским политиком, жившим в XVIII в. Именно в «Письмах» Бёрк смог соединить глубину его политической мысли с силой изысканного и поэтического слога. В каком-то смысле «Письма» можно назвать лебединой песней политического философа.

В этом четырехчастном сочинении Бёрк прямо указывает на кризис современного ему мира, и конкретно британского общества. Как и ранее, корень зла он видит в революционных изменениях, но изменениях не только политических, для него намного опаснее революционные изменения в нравах народа. Революция для Бёрка не столько социально-политическое явление, сколько морально-этический и отчасти даже мистический феномен. Во второй части 1-го Письма, британец сравнивает революцию с «озлобленным привидением», движимым никому не ясными мотивами и не подчиняющийся человеческому разуму. В интерпретации Бёрка революция предстаёт крушением идей Просвещения о торжестве человеческого разума над дикостью. Тем не менее суждения Бёрка о революции не эсхатологические – он не видит в ней Апокалипсис. Бёрк сравнивает историю Великобритании с движением по орбите. Он использует метафору, говоря, что история его страны сейчас находится в своём «афелии», т.е. дальше всего от солнца, но рано или поздно она должна снова приблизиться к светилу. И это не позволяет ему впасть в полное отчаяние в отношении будущего Великобритании.

[8] Чудинов 1996: 35.
[9] Лабутина. Ковалёв. 2020: 452.
[10] Stauffer 2005: 38-39.

Бёрк начинает 1-е Письмо с того, что сокрушается об изменении нравов. Любое общество в интерпретации Бёрка предстает не как некий физический объект, а как социальная абстракция в сознании людей. И плохими оказываются те общества, в которых моральные законы попраны. Наглядно это можно видеть на примере Французской революции, которая изображается монстром, попирающим основания совести и уважение к обычаям, что для коммонера является страшным преступлением против морали как таковой. Логично, что вину Бёрк возлагает на самих революционеров, ведь, если общество – есть порождение умов людей, то больные умы порождают больные общества. Кризис морали – это вина лишь людей, которые не хотят придерживаться ее правил.

Мыслитель не видит вины за королем Франции и французским правительством в возникновении революции. Наоборот, он прямо указывает на великолепие, в котором пребывала Франция до нее. Бёрк указывает на главную причину революции – это падение нравов, причина внутреннего характера, созревшая в мире морали и этики, а не в физическом мире голода и неурожаев. Однако в падении нравов виновато не все общество, а конкретные люди, которые это падение подготавливали для достижения своих целей. К жизни ее вызвали люди, не понимавшие ее мощи и разрушительности. Революция предстает силой похожей на стихию, воюющей со всем человечеством. Революционная Франция для Бёрка враг не по экономическим или геополитическим причинам, поскольку война с ней идёт не за ресурсы или территории, для Бёрка – это война на выживание, революция порождает больные аморальные общества, которые подобно яду отравляют нравы соседних государств, что может привести и к гибели последних. Для британца мир с революционерами невозможен, поскольку зло, которое они представляют настолько абсолютно, что само примирение с ним стало бы величайшим поражением. Бёрк нарекает сложившийся во Франции политический режим «республикой цареубийц», а величайшим преступлением против морали называет убийство суверена.

Мир с Францией будет заключен в Амьене в 1801 г. уже в эпоху Наполеона. Сложно сказать сыграли ли письма Бёрка роль в провале мирных переговоров правительства Питта-младшего с Директорией. Слова Бёрка, о том, что он не доживёт до развязки революционных событий, оказались пророческими, как и многие другие его суждения в отношении Революции. После смерти мыслителя правительство Питта-младшего оплатит его долги и назначит пенсию вдове. Во многом британское правительство будет следовать в своей политике идеям, заложенным в «Письмах», продолжая войну против Франции, а риторика, использованная Бёрком, станет общепринятой среди умеренных британских политиков. «Письма на мир с цареубийцами» станут одной из важнейших идеологических предтеч консервативной мысли в преддверии европейского «века революций».

Далее вниманию читателя предлагается перевод первого «Письма» в извлечениях, выполненного по классическому изданию полного собрания сочинений Эдмунда Берка 1887 г.

Уважаемый сэр!

Наш последний разговор, хоть и не был выдержан в тоне абсолютного уныния, являлся далеко не радостным. Нам не удалось с лёгкостью объяснить некоторые неприятные явления. Они представлялись нам как свидетельство состояния умонастроений в народе и это совсем не то, что мы могли ожидать исходя из наших старых воззрений на недостатки и пороки английского характера. Катастрофические события, что следовали одно за другим в длинной непрерывной похоронной процессии, которым, казалось, не будет конца[11] – не главная причина нашего уныния. Больше мы страшились того, что угрожало нам крахом изнутри, чем того, что грозило нам снаружи. Для народа, который когда-то был гордым и великим, и великим потому, что был гордым, изменение национального духа – это самая страшная из всех революций.

Я не доживу до развязки запутанного сюжета, который печалит и озадачивает ужасной драмой Проведения, разыгрывающуюся сейчас на нравственном театре мира. На словах или на деле, я уже в конце своей карьеры. Вы в середине своей. В каком же положении на своей орбите находится нация, с которой мы оба движемся вместе, нелегко предположить. Возможно, она приближается к своему афелию[12]. Но когда ждать возвращения?

Чтобы не потеряться в безграничности предположений, наша озабоченность связана с тем, что может воздействовать к лучшему или худшему на мудрость или слабость наших планов. Во всех рассуждениях о людях и человеческих делах немаловажно отличать случайные вещи от постоянных причин и от последствий, которые нельзя изменить. Не всякая неравномерность в нашем движении является полным отклонением от курса. Я не вполне разделяю мнение тех демагогов, которые, кажется, уверены в том, что в силу устройства мира все государства имеют одни и те же периоды младенчества, зрелости и дряхлости, которые наблюдаются у людей, что их переживают. Параллели такого рода скорее служат иллюстрацией или красивой фигурой речи, чем источником аналогий, на основании которых можно строить свои рассуждения. Объекты, которые пытаются использовать для аналогии, не относятся к одним и тем же порядкам вещей. Индивиды – это физические существа, подчиняющиеся универсальным и неизменным законам. Непосредственная причина, породившая эти законы, может быть неясна, но последствия действия этих законов поддаются определенному расчету. Впрочем, сообществами являются духовные, а не материальные сущности; эти [сообщества] – некий умозрительный образ; и, они – продукты суждений человеческого разума в их непосредственной действенной причине. Мы еще не знакомы с законами, которые прямо влияют на стабильность такого рода деятельности, осуществляемой содружеством [людей]. В физическом мире (с которым они, эти образы, не имеют никакой видимой связи) не существует явной причины, по которой любая из этих сущ-

[11] Скорее всего, речь идёт о показательных казнях Людовика XVI, Марии-Антуанетты и смерти малолетнего Людовика XVII (8 июня 1795 года) в ходе революционных событий во Франции.

[12] Афелий – положение планеты на орбите, в котором она находится дальше всего от звезды.

ностей должна обязательно крепнуть, процветать или разрушаться; и, по моему мнению, моральный мир не производит ничего более определенного по этому вопросу, чем-то, что может служить развлечением (правда, вольным и оригинальным, но все же только развлечением) для демагогов. Я сомневаюсь, что в истории человечества уже достаточно примеров, если это вообще возможно, для создания единой точной теории внутренних причин, которые обязательно влияют на состояние государства. Я далек от того, чтобы отрицать действие таких причин, но они бесконечно неопределенны, гораздо более туманны, и их гораздо труднее проследить, чем внешние причины, которые имеют тенденцию возвышать, угнетать, а иногда и подавлять общество.

В этих политических исследованиях часто невозможно найти прямую связь между значимостью моральных принципов, и тем, что происходит на самом деле. Поэтому мы вынуждены отдать это действие на волю случая или, более благочестиво (возможно, более рационально), на случайное вмешательство и непреодолимую руку Великого Распорядителя. Мы видели государства, просуществовавшие достаточно долго, которые на протяжении многих веков оставались почти такими же, какими они возникли, и вряд ли можно было сказать, что они находятся в состоянии расцвета или упадка. Некоторые из них, похоже, израсходовали свою силу в самом начале. Некоторые вспыхнули в своей славе совсем незадолго до своего угасания. Меридиан некоторых был самым великолепным. Другие, и их больше всего, колебались и переживали в разные периоды своего существования самые разнообразные судьбы. В тот самый момент, когда некоторые из них, казалось, погружались в бездонные пучины позора и бедствий, вдруг внезапно из них выныривали. Они начинали новый курс и новый отсчет; и даже в глубинах своего падения и на развалинах своей страны закладывали фундамент возвышенного и долговечного величия. Все это произошло без каких-либо видимых изменений в общих условиях, которые привели к их бедствию. Смерть одного человека в критический момент, его падение, отступление, позор — все это могло принести неисчислимые бедствия целому народу. Простой солдат, ребенок, девушка у дверей трактира меняли лицо судьбы (фортуны) и почти всего естества.

Подобное, часто под влиянием таких причин, было обычной судьбой монархий, существовавших долгое время.

Да, они могут переживать расцвет и упадок. Это в полной мере относится и к монархии во Франции. Бывали времена, когда ни одна держава не опускалась так низко, но и немногие процветали в большей славе. Поочередно переживая периоды подъема и упадка, эта держава в целом скорее возрастала; и она оставалась не только могущественной, но и грозной вплоть до полного крушения монархии. Никакие внешние симптомы упадка не предвосхищали падение монархии. Внутренние не были видны всякому глазу; и тысячи случайностей могли предотвратить действие того, что не могли разглядеть самые зоркие, а самые прозорливые – предвидеть. Накануне этой ужасной катастрофы на лицо было некое внешнее великолепие в положении короны, что обычно добавляет правительству силы и авторитет на родине. Тогда казалось, что корона получила некоторые из самых великолепных перспектив для реализации ее государственных амбиций. Ни одна из континентальных держав Европы не была врагом Франции. Все они были либо молчаливо предрасположены к ней, либо открыто связаны с ней; и в тех, кто держался наиболее отстраненно, было мало видимой ревности; враждебности не было вообще. Британская нация, ее вели-

кий главный соперник, была смиренна; судя по всему, она по всей видимости ослабла, очевидно, подставившись под угрозу, отрезав очень большую и, несомненно, наиболее растущую часть своей империи[13]. На этой вершине человеческого процветания и величия, в высоком и прекрасном состоянии монархии, Франция пала на землю без борьбы. Она пала без каких-либо пороков в монархе, которые иногда бывали причиной падения королевств, но которые вероятно существовали, но без какого-либо видимого влияния на государство, как и во многих других принцах; и, не разрушая их власть, а были лишь незначительными изъянами в их характере. Финансовые трудности были лишь предлогом и орудием для тех, кто добился гибели этой монархии. Они [эти недостатки] не являлись причинами этого. Лишенная старого правительства, лишенная в некотором роде правительства как такового, Франция, павшая как монархия, из-за обычных демагогов, могла казаться скорее объектом для жалости или поругания, в зависимости от позиции соседних держав, чем быть бичом и ужасом для всех них. Но из могилы убитой монархии во Франции, восстал огромный, необъятный, бесформенный призрак в гораздо более ужасающем обличии, чем все те, которые когда-либо до сих пор порожали воображение и покоряли человеческую стойкость. Идущий прямо к своему концу, не останавливаемый опасностями, не сдерживаемый угрызениями совести, презирая все обычные правила и все обычные средства, этот отвратительный фантом одолевал тех, кто не мог поверить, что он вообще может существовать, в чём их убеждала привычка, собственное благополучие, а не реальная природа вещей. Но конституцию любого политического существа, как и любого физического, необходимо знать, прежде чем осмеливаться говорить о том, что подходит для его сохранения или что является надлежащим средством для его власти. Что было ядом для других государств, стало пищей для новой Республики. Это банкротство, само осознание которого является одной из причин падения монархии, было капиталом, на котором Республика открыла свою торговлю со всем миром.

Республика цареубийц с её уничтоженными доходами, с разрушенным производством, с разоренной торговлей, с невозделанной землёй и наполовину обезлюдевшей страной, с недовольным, бедствующим, порабощенным и голодающим народом, идет быстрым, эксцентричным, непредсказуемым курсом от самой дикой анархии до жесточайшего деспотизма, и фактически завоевала лучшие части Европы, расстроила, разобщила, вывела из себя, и разбила на куски все остальные; и так она подчинила себе умы правителей каждой нации, что они уже поверили, что могут разве что рассчитывать на презрительную милость, демонстрируя свою слабость и низость. Даже в своих величайших военных усилиях и беспримерной демонстрации своей стойкости, они, кажется, не надеются, даже, кажется, желают уничтожения того, что у них осталось. Их амбиции заключаются лишь в том, чтобы быть принятыми в более привилегированный класс рабами этой господствующей [революционной] власти.

Таков был характер этого времени. Сначала французские войска слишком презирали. Теперь их слишком боятся. Как неосмотрительная храбрость уступила место иррациональному страху, так и можно надеяться, что посредством обдуманных разумных опасений мы сможем прийти к устойчивости. Кто знает, может негодование от развернувшегося террора, возродит в нас высокие чувства, и мы отбросим [страхи], это заблуждение по поводу нашей пбезопасности, которую, как нам казалось, можно приобрести ценой [потери] нашей че-

[13] Речь идет об отпадении от метрополии 13-ти североамериканских колоний.

сти, и возможно доведет нас еще до такой степени отчаяния, что часто усмиряло смуту в государстве, от которой, казалось бы, нельзя было найти средства в самых мудрых советах?

<…>

СЧИТАЯ, что этот вопрос не получил столь полного и свободного обсуждения, какого он требует, я не намерен упускать ни одного из пунктов, которые кажутся мне необходимыми для рассмотрения перед заключением соглашения, которое навсегда определит то, какой будет Европа и её судьба. Поэтому в тексте письма, с которым я буду иметь честь обратиться к вам, я предлагаю следующие пункты для вашего серьезного размышления.

1. Влияет ли нынешняя политическая система, за которую борется правительство Франции, в состоянии мира или в состоянии войны, на соседние государства также, как та система, что существовала в этой стране прежде?

2. Обладает ли эта система, если предположить, что ее идеология враждебна другим народам, какими-либо средствами, для нанесения им вреда, который она уже нанесла себе?

3. Произошла ли в последнее время такая перемена во Франции, которая изменила бы характер ее системы или ее влияния на другие державы?

4. Имеются ли какие-либо публичные декларации или обязательства со стороны союзных держав, которые препятствуют заключению мирного договора, который подтверждает право и власть фракции Цареубийц во Франции?

5. Каково будет состояние других держав Европы по отношению друг к другу и к своим колониям после заключения Мира с Цареубийцами?

6. Доведены ли мы до абсолютной необходимости заключать такой мир?

Эти вопросы позволят свести несколько фактов и аргументов, встречающихся в этой обширной дискуссии, к определенным фиксированным принципам. Я не собираюсь ограничиваться тем порядком, в котором они расположены. Я буду обсуждать их в такой манере, которая покажется мне наиболее подходящей для того, чтобы показать их взаимные связи и отношения. На этом я завершаю публичную часть моего Письма; но прежде позвольте мне извинится.

Желая, чтобы этот НОМИНАЛЬНЫЙ МИР не наступал, я уверен, что нет человека, который был бы менее склонен обвинять нынешнее правительство, чем я. Некоторые из моих самых старых друзей (и я хотел бы сказать это о большем их числе) служат в этом правительстве. Есть и такие, «к кому зря обращены мои тусклые глаза». По моему мнению, на общество не могло бы обрушиться большее несчастье, чем отстранение одного из них. Но я отгоняю эту мысль вместе с другими меланхоличными мыслями. Многое должно быть сказано на эту тему, либо не сказано вообще ничего. Что касается уважаемых лиц, к которым примкнули мои оставшиеся друзья, то их благодеяниям я готов отплатить самыми искренними клятвами верности. Они дали мне единственное утешение, которое я способен получить, – знать, что ни один человек не пострадает от моего тридцатилетнего служения обществу. Если обстоятельства дадут нам сомнительное счастье борьбы с врагом, я буду найден (я собирался сказать «сражающимся» – но это было бы глупо) гибнущим бок о бок с мистером Питтом. Я должен добавить, что если есть какой-либо способ защититься благодаря нашим внутренним силам от бедствий мира с Цареубийцами, он – тот человек, который это использует и нас спасет. Если финансы в таком случае могут быть восстановлены, он – тот человек, который их восстановит, если я и должен сето-

вать на какие-то его поступки, то только тогда, когда они мне кажутся не подходящими тому, что он мог бы сделать. Но пусть он не будет самоуверен, это решение [мир с цареубийцами] ничем не может быть оправдано. Его способности полностью равны (а это много значит для любого человека) тем, кто противостоит ему. Но если мы надеемся на него как на гарантию против последствий мира с цареубийцами, давайте сохранять уверенность, что мир с цареубийцами и конституционное правительство – это понятия, которые не согласуются. Если мир с цареубийцами будет заключён король не сможет далее работать с министром, а министр не сможет далее служить королю. Если Великий Распорядитель, в награду за королевские и личные добродетели нашего государя призовет его к себе от ужасающих последствий, которые будут сопутствовать состоянию дружбы с Цареубийцами, его преемник, несомненно, увидит их, если только, то же самое Провидение не изменит естественный порядок вещей. Размышляя таким образом (что не легко), я не смею льстить царствующему государю, ни министру, который ему служит или может быть, его будущему преемнику, ни тому, кто может быть призван служить ему, тем, что представляется мне ложным в их положении. Мы не можем иметь такое министерство и этот мир вместе.

Я не забываю, что на ранней стадии этих обсуждений между несколькими нашими друзьями, между моей малозначительной персоной и великим человеком во главе [правительства], существовали значительные разногласия. Но я уверен, что был период, когда мы были более согласны в отношении опасности существования якобинцев во Франции. В свое время он и вся Европа, казалось, чувствовали это. Но почему меня не обращают в свою веру столько великих держав и великих министров? Потому, что я стар и нетороплив. В этом 1796 году я нахожусь там, где все державы Европы были в 1793 году. Я не могу двигаться по этой эклиптике[14], которая готовит нам возвращение какой-то очень старой, боюсь, не золотой эры, или начало какой-то новой эры, которая должна быть названа в честь какого-то нового металла. В этом кризисе я должен держать язык за зубами или говорить свободно. Ложь и заблуждение не допускаются ни в коем случае: но, как и к любой добродетели, к правде особое отношение. Это своего рода воздержание, благодаря которому человек говорит правду с осторожностью, чтобы говорить ее дольше. Но поскольку одни и те же обстоятельства действуют не во всех случаях, и то, что было бы правильным для вас, перед кем, как можно предположить, простирается ещё некоторое число лет, не имеет смысла для меня, который не может даже в самой абсурдной мысли рассчитывать на шесть месяцев жизни. То, что я говорю, я обязан сказать немедленно. Все, что я пишу, по своей природе является завещанием. Возможно, в нем есть слабость, но в нем есть и искренность предсмертного слова. На эти несколько дней, что мне придется провести здесь, я полностью удален с оживленной сцены мировых событий; но я считаю себя по-прежнему ответственным за все, что я сделал, пока сам оставался на авансцене. Если самый неопытный политик из уважения к моим сединам и под влиянием каких-либо моих речей или моих трудов вступил в эту войну, он имеет право спросить меня, почему я изменил свое мнение или почему, когда те, с кем я голосовал, поменяли свои взгляды на более разумные, я упорно продолжаю разрушительно заблуждаться.

[14] Эклиптика – большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое с Земли годичное движение Солнца относительно звёзд.

Когда кажется, что я не согласен с поступками тех, кого уважаю, в любом отношении, кроме суеверия, я обязан объяснить свои мотивы. Я не могу противопоставить свой авторитет их авторитету. Но проявление разума не означает бунта против авторитета. Разум и авторитет не движутся в одной параллели. Разум – это amicus curiae, который говорит de plano, а не pro tribunali[15]. Это друг, который делает полезное предложение суду, не ставя под сомнение его юрисдикцию. Признавая его компетенцию, он способствует его эффективности. Я буду следовать плану, который наметил в своих последующих письмах.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Лабутина Т.Л., Ковалёв М.А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб.: Алетейя, 2020. 462 с. [Labutina T. L. Kovalev M.A. Britanskie intellektuali epohi posvecheniya ot markisa Galifaksa do Edmunda Berka. SPb.: Aleteya, 2020. 462 p.]

Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Наука, 1996. 301 с. [Chudinov A. V. Razmishleniya anglichan o Franzuzskoy revoluzii: E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin. M.: Nauka, 1996. 301 p.]

Bourke R. Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke. Princeton: Princeton University Press, 2017. 1032 p.

Burke E. Letter I. On the overtures of peace / Letters addressed to a member of the present parliament, on the proposals for peace with the regicide directory of France. 1796–1797 / The Works of The Right Honourable Edmund Burke. Vol V. L.: King William Street, Stand. Wg., 1887. P. 233–341.

McDowell R. B. (eds). The Writings and Speeches of Edmund Burke. Vol IX. Oxford.: Oxford University Press,1991. 744 p.

Stauffer A. Anger, Revolution, and Romanticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 222 p.

***Гаврилин Борис Александрович**, аспирант первого года обучения, исторический факультет УрФУ, лаборант-исследователь, лаборатория эдиционной археогрфаии. Boris.gavrilin@gmai.com*

Edmund Burke's Crusade Against Peace with the Regiciders (1795)

The article introduces the “Letters on a Regicide Peace” by the conservative thinker Edmund Burke, which were published between the autumn of 1796 and the beginning of 1797. The letters are a message to Parliament with a detailed argument about the perniciousness of making peace with revolutionary France. In the entire literary heritage of the “father of political conservatism”, the “Letters” occupy a special place: it have become a kind of swan song of E. Burke, his political testament. At the same time, it bear a vivid imprint of the revolutionary wars in Europe, being a source for studying the internal political struggle and controversy in Britain around the attitude towards revolutionary France in the 1790s. The attention of the reader is offered a translation in extracts of the first letter published on October 20, 1796. The text has been translated into Russian for the first time.

***Keywords:** Edmund Burke; Conservatism; The French Revolution; «Letters on a Regicide Peace»; The Thermidorian Coup; Political Philosophy.*

***Gavrilin Boris**, first-year graduate student at the Faculty of History, Ural Federal University, laboratory assistant researcher at the Laboratory of Editing Archaeography. Boris.gavrilin@gmai.com*

[15] Здесь Бёрк намеренно использует юридические термины из римского права *amicus curiae* – лицо, которое содействует суду, не являясь участником процесса, *de plano* можно перевести как «без возражений», а *pro tribunali* – в судебном заседании.